

ТЕАТР

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ТЕАТРАЛЬНОЙ ПРОГРАММКИ

Три недели гастролей Ленинградского академического Большого драматического театра позади. Радость встречи с любимыми актерами и особым сценическим миром БДТ уже омрачена печалью: не затанец ли наша разлука опять на двадцать с лишним лет?

Интерес к театру, казалось бы, почти удовлетворен умело составленным гастрольным репертуаром. Однако, как подумываешь, сколько еще не увидено, а сколько вообще не затанец ли Ибо время беспощадно более всего к театру, к живому театру.

«Живой театр» (это определение выдающегося английского режиссера Питера Брука) в отличие от мертвого театра всегда подвижен и изменчив, в нем биение пульса нашей жизни, нашего века, не ровное, как линия кардиограммы со залетами вверх и обрывками вниз... Но эта череда скачков говорит о том, что пульс живого организма ритмичен, а сердце его — здорово.

Не боясь банальности и повтора, назовем сердцем и умом театра его главного режиссера Г. А. Товстоногова.

Даже ничего не зная о «секретах фирмы», о сложностях пути пьесы на сцену этого театра, по готовому спектаклю можно определить, что гармония и соразмерность целого достигнута только суммой открытий режиссера, актеров, художника, композитора, гримера и костюмера, многих других людей, чей труд почти не заметен из зрительного зала.

Если, например, изыпать из спектакля сценографию Эдуарда Кочергина, то она может существовать как самостоятельное художественное произведение. Однако сам спектакль без нее существовать не сможет.

Но при всей самоценности работы людей, творящих спектакль, в его неповторимом облике всегда видна рука Мастера.

Говоря об этом, я представляю процесс создания некоторых фресок гениального Леонардо, когда каждый из учеников выписывал доверенную ему часть композиции, а Мастер в самом конце довершал картину одним прикосновением кисти.

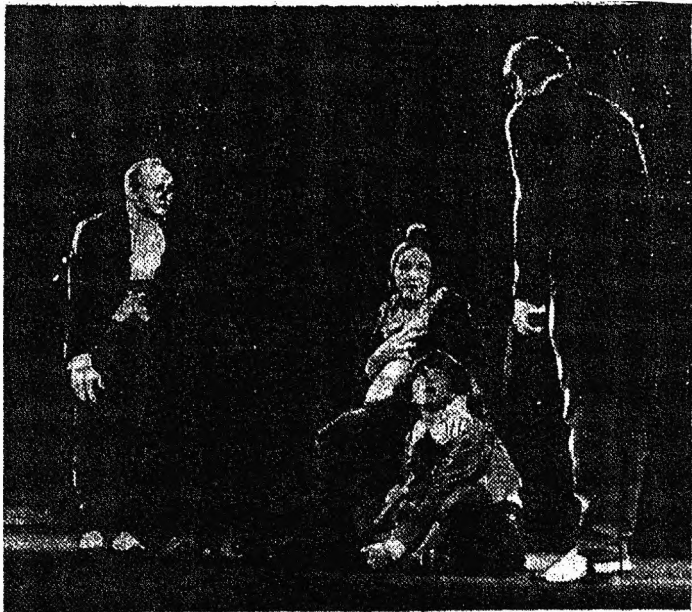
Неповторимость театра, его отличие от всех других нам удалось испытать на спектаклях самых разнообразных жанров: комедии характеров и комедии нравов, сценической публицистике, пьесе-гиперболе, современной производственной пьесе и мюзикле.

Разнообразие жанров гастрольного репертуара идет не от того, что БДТ спешит потакать всем вкусам. Этот театр — на зависть некоторым из гостей у нас коллективов — имеет право быть выше «улаживания» публики.

Чаще всего он идет впереди зрителя, то используя ошеломляюще непривычную форму («История лошади»), то избирая материал, постижение которого требует определенного навыка интеллекта («Телевизионные помехи»). Не надо, конечно, представлять это «впереди зрителя» как снобизм и пренебрежение успехом.

Театр внимателен к зрителю. Я берусь это утверждать, видя прославленных артистов, каждый день до конца выкладывающихся на спектаклях. Любимы театра и зрителью ощущения и в таких «мелочах», как вещественное оформление спектакля.

Даже условное, оно всегда подлинно, натурально, добротно. Никакой небрежности в писаных декорациях, скрупулезность в мельчайших деталях: белые перчатки всегда белые и

пенсне со стеклами, а не без.

Есть условность, основанная на доверии к зрителю, отличная от условности, злоупотребляющей этим доверием.

Я вспоминаю, как расхолаживали с первой же картины декорации «Современника» к «Вишневому саду» — голые, облезлые, скучные кусты, неопределенно-грязноватого цвета театральные кулисы и «горизонты». Такого сада было не жаль, и непонятна была ностальгия Раневской, ошеломленная в этих деревьях, — в этом уголке, отнюдь не райском, печаль ее утраты казалась беспредметной.

Стало быть, в театре нет мелочей, и любая из них, сентенная за пустяком, который сойдет и так, способна убить даже грандиозный по мысли спектакль...

Почему-то считается, что современного театрального зрителя трудно удивить. Он избалован фокусами смежных искусств, и заговори лошади на сцене человеческим голосом, — даже не вздрогнет. Да, зрителя и правда трудно ошеломить приемом, необычной формой, он, конечно, ко многому привык.

Одно, пожалуй, никогда не перестанет волновать и удивлять в театре: заразительность и сила жеста, ради которых театр собирает людей под одну крышу.

Мне как зрителя в спектаклях Большого драматического манит возможность пережить за два с небольшим часа са-

мые, различные, противоречивые, контрастные чувства. Сдобротиться от ужаса и рассмеяться, огорчиться до слез, тут же воспрянуть духом, умилиться, полюбить героя и возненавидеть подлеца.

В «Энергичных людях» есть от чего зайти хохотом: к убийственно меткому слову Щукина прибавьте великолепного Евгения Лебедева и ни в чем не уступающий ему ансамбль.

Можно было насмеяться до слез, наблюдая борьбу Аристархушки с вышедшими из повиновения вещами, и уйти с легким сердцем. Однако ушли с тяжелым. Потому что за иронией и откровенным шаржем стоит тревога о человеке, которую театр не собирается скрывать. Под смешной оболочкой — целое явление, которое не только отаратительно, но опасно своей заразительностью... Такого же рода блестящая комедийность — в «Нижнеподписавшихся» и «Общественном мнении».

Мне не удается сказать обо всем увиденном в отдельности, но, кажется, важнее обобщить главное: наш лучший театр — в пору своей зрелости.

Зрелость — время философских размышлений, и как хорошо, что театр при этом сочетает взрослую мудрость с юношеской тягой к эксперименту.

Н. СААРОВА.
НА СНИМКЕ: сцена из спектакля БДТ «Пиринский иллуб». Фото В. СЛУКАЛОВА.